

Глава 10

МЕЧТЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Деятелям Возрождения принадлежит огромное количество проектов. Это эпоха, которая породила множество реалистических умов, в том числе Коммина, Макиавелли и Гвиччардини, эпоха, которая была свидетельницей разгрома Рима и начала торговли темнокожими, стала золотым веком утопии. Возможно, это было обусловлено тем, что само время ощущало потребность отхода от действительности, что уже имелась определенная оценка внешнего мира и повседневного образа человека. Уже приходилось расставаться с некоторыми миражами Средневековья, поэтому и возникала необходимость новых, вымышленных конструкций.

Крестonosный миф был зловещим, и уже миновала эпоха великих конных походов в Святую Землю и паломничества «пастушков». С конца XIV в. идея Крестового похода изживала себя: Крестовый поход становится оборонительным, тщетно прилагаются усилия (при Никополе в 1396 г. и при Варне в 1444 г.) обуздать продвижение турок. Удар, который приостановил турок, был нанесен в сражении при Лепанто в 1571 г. и позднее, в 1683 г., на подступах к Вене. Хотя иные умы, склонные к химерическим мечтам, еще грезили о блестящих победах на Востоке и немислимом отвоевании Константинополя или Иерусалима: к ним относились Пий II, Карл VIII, позднее отец Жозеф — доверенное лицо Ришелье. Но обескураженный Пий II скончался в Анконе в 1464 г., еще до того, как поднялся на корабль. Карл VIII, который принял титул императора Константинопольского, с трудом выбрался из итальянского осиногo гнезда и вернулся во Францию.

Что касается отца Жозефа, то он ограничился тем, что нашел предводителя своего Крестового похода, герцога Неверского, войск же не оказалось. Франциск I не знал колебаний, когда заключил союз с турками, корабли которых причаливали в Тулоне. Сикст V довольно прозаично размышлял над тем, как выкупить святые места у султана. Венеция в промежутках между войнами вела с турками торговлю и даже поддерживала с Константинополем культурные связи. Дж. Беллини, направленный с официальной миссией на Восток, написал портрет Мехмеда II. Абсолютно точно, что на Западе остерегались восточного соседа. Тем не менее было известно, что в Османском государстве царил относительная религиозная толерантность, что советники султана нередко являлись христианами, перешедшими в мусульманство, и что правление Великого Турка не было менее справедливым, чем власть врагов ислама. Вот показательный диалог, написанный неизвестным автором в конце XVI в. В нем выведены два венецианских рыбака, рассуждающих во время голода о правлении дожа и местной аристократии.

М а р и о. Так как Бог не хочет, чтобы власть тирана слишком давила на мир, то он готовится свершить свой суд над турками и их великим султаном.

В е т т о р е. Он захватит все у тех, кто сам грабил, им уготовит войны и страдания, затем чтобы нанести удар по голове с фланга.

М а р и о. А все ж мы суть для них родные братья, они, подобно нам, с нагой спиной все ловят, тащат и крабов, и омаров, и дорал.

В е т т о р е. Они все к беднякам относятся не лучше, чем к рогоносцам, дуракам, ворам, собакам.

Таким образом, Крестовый поход, включающий мессианскую массовую эмиграцию, священный энтузиазм и жажду экзотики, и раздирающее их честолюбие становится мечтой. Люди в эпоху Возрождения отказываются от нее и пробуждаются, в особенности после взятия Гранады в 1492 г.

«Когда в XIV—XV вв. возрождается идея крестоносного движения, христианство уже решительно приблизилось к органическому

единству» (П. Альфандери). Действительно, средневековый Запад мечтал о мудром и могущественном императоре, защитнике христианства, судии народов, правящем миром в полном согласии с римским папой. Новый Давид получал от папы «венец славы», который поставил бы его «над всеми властителями мира». Но действительность в эпоху Возрождения являлась совершенно иной: императора, который почти всегда оказывался немцем, отчасти ненавидели и опасались, отчасти презирали. Христианские народы почти во всех областях Европы не прекращали войны. Папа был слишком занят своим крохотным государством на Апеннинском полуострове. Наконец, XVI в. стал свидетелем логического завершения внутреннего религиозного раскола и Крестовых походов против гуситов¹; католическая Европа раскололась на две половины, равные по мощи: христиане, оставшиеся верными Риму, и христиане, поддержавшие Реформацию, отныне становятся врагами. Это действительно конец имперского мессианизма.

* * *

Постепенно XVI в. разглядел, как разрушаются легенды о тех чудесных странах, которые, как мираж, манили европейцев вон из Европы. «Остров семи городов», где собирали золотоносный песок, — Чипангу, где, как говорил Марко Поло, — не добравшийся до тех мест, — «золота великое обилие», «здания кроются чистым золотом», все деревья имеют аромат духов. Попытка доказать реальное существование Чипангу, как и множества других воображаемых царств, провалилась: далекие царства оказались совсем не такими, какими мечтались. Империя пресвитера Иоанна, где протекала, как верили, река земного рая, оказалась скромной Эфиопией, где португальская экспедиция в 40-е гг. XVI в. имела несчастье сдерживать натиск мусульман. Разочаровали и Антильские острова, вовсе не «счастливые острова». Тщетно искали на севере Мексики «семь городов Сиболы», и Эльдорадо все время отступал в глубь бесконечного бассейна Амазонки перед испанскими, немецкими и английскими искателями

¹ Крестовые походы против гуситов велись в первой половине XV в.

приключений, которые упорно стремились его отыскать. Пришлось исправлять карты, вести счет открытиям. Уже с начала XV в. «река Океан» превратилась в открытое море вокруг Индии. В первое десятилетие XVI в. на картах появилась Америка, причем сначала Южная Америка. Через сто лет Чипангу — пять или шесть тысяч «счастливых островов» — навсегда исчезли в Тихом океане, открытом Магелланом и Дрейком. Зато картографы и навигаторы знали теперь Японию, Филиппины, Молуккские острова; в Индийском океане они указали местонахождение Мадагаскара. Напрасно пеняли бы на недостатки карты, составленной в конце XV в., — там очень много ошибок в указании долготы. Северная Америка за пределами Новой Мексики и Новой Франции все еще оставалась *terra incognita*¹. Причем все еще не было известно ни то, где кончается линия ее северных границ, ни как выглядят их очертания. Все без исключения современники еще продолжают считать, что существует огромная земля в Антарктике; эту идею опровергнет только Кук. Внутренние области континентов все еще остаются плохо изученными, так, например, считается, что Нил и Конго берут свое начало из одного источника. Все это не помешало человеку Запада за одно столетие достигнуть колоссального прогресса, благодаря своим беспрецедентным усилиям иметь точные знания. Легендарные страны уступают место Новому Свету, в котором, конечно, находили сокровища, но европейцам воспротивилась скорее природа Нового Света: пустыни, горы, безграничные пространства, чем люди, населявшие его. Пришлось исправлять цифры, данные Птолемеем для измерения окружности земли, расширять расстояния на картах, чтобы нанести безграничный Тихий океан. Теперь уже знали, что в южных странах морская вода не кипит, что на экваторе живут люди. Европейцы уже столкнулись с цивилизациями, о существовании которых никогда и не подозревали, — Америка преподала наглядный урок.

Конечно же, Америка в том виде, в котором она предстала, давала простор фантазии. Когда солдаты Кортеса приблизились к Мехико, а затем вошли в город, они были поражены и ошеломлены. Перечитаем свидетельство Берналя Диаса дель Кастильо, соратника Кортеса: «Когда мы увидели эту прекрасную дорогу

¹ Земля неизвестная (лат.).

(7 ноября 1519 г.), которая прямо вела в Мехико, эти города и деревни на высоком берегу озера и в низине, нас охватил восторг, и мы говорили себе, что все это напоминает сказочные города, о которых рассказывается в романе об Амадисе. Башни, храмы, каменные здания и строения из известняка, возведенные среди вод, — наши солдаты подумали, что они грезят. И пусть никто не удивляется, если я здесь расскажу, поскольку я скорее преумножу впечатление, но не знаю, как выразить: мы увидели то, что никогда не видели, не слышали и даже не могли себе вообразить».

Кортес отправил Карлу V сокровища, которые получил от Монтесумы, — и Диорер увидел их в Антверпене. И он подумал также, что ему грезится: «Я увидел, — писал он, — предметы, которые были доставлены королю из новой страны золота: изображение солнца, полностью выполненное из золота шириной в туаз. А заодно и изображение луны, выполненное из серебра, такого же размера. А также два помещения, заполненные оружием в том же роде, всевозможные виды их оружия — щиты, бомбарды, поразительные орудия для защиты, необходимые приспособления для ночи и всевозможные удивительные предметы, предназначенные для различного использования, и они имеют гораздо более прекрасный вид, чем обычно имеют предметы. Мне никогда в жизни не доводилось видеть того, что так заставило бы возрадоваться мое сердце, как эти предметы, потому что я узрел поразительные предметы искусства и был поражен изысканным талантом людей из далеких стран».

В 1520 г. еще и не подозревали о существовании Перу, эта страна преподнесла еще большие сюрпризы. В Куско, в саду, ведущем к храму Солнца, все предметы были сделаны из золота и серебра. «Мы увидели всякие виды деревьев, цветов, растений, животных маленьких и больших, диких и домашних, ползающих животных, таких как змеи, ящерицы, жабы, а также бабочек и птиц в натуральную величину. Каждый предмет был изготовлен из тех же драгоценных металлов, и каждое из этих чудес было расположено в таком месте, которое в наибольшей мере соответствовало природе того существа, которое было изображено».

Хотя сокровища ацтеков и инков были полностью уничтожены, европейцы оказались перед лицом подлинной Америки, которую было необходимо пересечь, колонизовать, обратить,

использовать, и это стоило больших усилий. С середины XVI в. Вест-Индия и Ост-Индия предстали в своем подлинном облике. Камоэнс провел 18 лет за пределами Европы, жил в Гоа, Макао, Мозамбике. И не ради удовольствия. В 1552 г. он ранил в бурной ссоре чиновника королевского дворца, и у него был только один путь избежать сурового наказания — отплыть в Индию, как простому солдату. Сервантесу в начале XVII в. Америка уже не казалась раем. В своих «Назидательных новеллах» он называет ее «обычным прибежищем отчаявшихся испанцев, церковью банкротов, охранным свидетельством убийц, ширмой для игроков, которых благонамеренные люди знают как шулеров; приманкой для нескромных женщин, спасением для некоторых и полным обманом для большинства».

Во всяком случае, пессимизм Сервантеса определенным образом противостоит оптимизму тех, кто хотя и не обнаружил в Америке сказочных богатств, но открыл там «доброе дикаря» — миф, которому была суждена долгая жизнь. Известен знаменитый фрагмент у Монтеня, где сравниваются индейцы с европейцами: «...что до благочестия, соблюдения законов, доброты, щедрости, верности, свежести, это было больше на пользу нам, чем им: они погибли из-за этого преимущества и сами себя предали и продали». Испанец, современник Сервантеса и Монтеня, Мансио Серра, в свою очередь, не упустил случая восхвалить инков: «...они правят в своих царствах столь мудро, — писал он, — что там невозможно сыскать вора, распутника, лентяя или женщину, изменившую мужу, что безнравственность там запрещена и что каждый занимается почетным ремеслом».

* * *

Заставивший поблекнуть мираж «счастливых островов», XVI в. нанес столь же тяжелый удар призрачным мессианским надеждам Средневековья. Святой Августин в конце Античности разделил человеческий мир на Град земной и Град Божий, причем последний связал с долгими и тяжелыми поисками на путях отречения от себя. Однако различие между двумя градами вызывало вопрос: когда же град, где любовь к себе доводится до презрения к Богу, оставит место для того града, где «любовь к богу доводится до презрения

к себе»? Иоахим Флорский (умер в 1202 г.) ответил на этот вопрос. Он разделил историю человечества на три периода. Первый — период Бога-отца, Ветхого Завета и семьи, плотский период; второй — период Сына, Евангелий и жертвенности, эта эпоха одновременно плотская и духовная; третья — это эпоха Бога — Духа Святого и религиозных порядков; она является чисто духовной. Начало третьей эпохи должно было относиться к 1260 г. Надежда на близкий крах мира духовенства становилась одновременно нечестивой, рациональной и чувственной. Еще долго после смерти Иоахима Флорского она оставалась прибежищем нищенствующих монахов, подозреваемых в ереси, или же еретиков (вспомним Савонаролу, орден францисканцев и все возраставшее распространение проповедей, в которых восхвалялась бедность). В XIV—XVI вв. широко распространяется страх перед Страшным судом. Однако Реформация ориентировала духовное состояние Европы в новом направлении — это анабаптизм, еще более точно — активный анабаптизм, так как существовал и мирный анабаптизм, и пацифистский анабаптизм, которые переживут кризисы XVI в.

Томас Мюнцер выходит на сцену в 1520 г. Он родился в 1485 г., был студентом Лейпцигского университета и присутствовал на знаменитом диспуте, который проводился в Лейпциге в 1519 г. между Лютером и Экком. Он присоединился к Лютеру, но ненадолго. Вскоре он счел теологию «барышни Мартины» «слишком консервативной» и слишком феминизированной и упрекал Лютера в том, что он изображает Христа «сладким как мед»; напротив, он пытался настаивать на грубости Креста и героическом характере Веры, которая должна давать христианину «мужество и силу вершить невозможное». Энгельс полагал, что Мюнцер всего лишь носил «библейскую маску». Он рассматривал его как противоположность «буржуазного реформатора Лютера», как первого «плебейского революционера» современности. Действительность, однако, представляется иной. Мюнцер в большей мере связан со Средневековьем; его надежды соответствуют надеждам Иоахима Флорского. Как и Иоахим Флорский (и это существенно, орден францисканцев и все возраставшее распространение проповедей, в которых восхвалялась бедность), он верил в близость конца эпохи и в наступление эпохи бурь. Таким образом, «избранные» должны были объединиться, порвать с существующим миром

и коррумпированной церковью. Пробыл час отделить зерно от плевел. Это сообщество «святых», в которое можно было свободно войти путем крещения взрослых, могло бы довольствоваться только лишь противопоставлением себя миру грешников. Но Мюнцер и его товарищи, «пророки из Цвиккау», рассудили, что «нечестивые подавляли нестерпимым образом „избранных” и что бедняки, которых предпочитает Господь, видят, что их путь к Евангелию и вере перекрыт их бедственным положением».

Провозгласив, что «нечестивец» не имеет права жить, если он оказывается препятствием для благочестивых людей, и считая себя «мечом Гедеона», Мюнцер призвал малых сих к восстанию. Он поставил им задачу достичь подлинной веры и искоренить врагов бога, т. е. богатых и духовенство. Он сыграл главную роль в Крестьянской войне, которая охватила в 1525 г. большую часть Германии, в особенности Саксонию и Тюрингию. Крестьяне были разбиты и перерезаны, Мюнцер был подвергнут пыткам и предан мучительной казни.

Но анабаптизм снова обратился к насилию в 1533—1535 гг. — с ним была связана Мюнстерская трагедия. Швабский скорняк, Мельхиор Гофман, первоначально склонялся к лютеранству, но затем обратился к анабаптизму и в 1529 г. нашел убежище в Страсбурге, где начал проповедовать, выдавая себя за второго пророка Илию. Он провозгласил, что конец света наступит в 1533 г., Страсбург должен был стать новым Иерусалимом. Накануне ареста и заключения в тюрьму он бежал в Нидерланды, где его проповеди увлекли первые группы нидерландских анабаптистов, которые стали называться мельхиоритами. В 1533 г. Гофман возвратился в Страсбург, чтобы присутствовать при конце света. Он был посажен в тюрьму и оставался в заключении до самой смерти (1543). Гофман был убежден, что провозгласил неизбежный суд Бога, но двое из его учеников, пекарь Ян Матис и портной Иоанн Лейденский, решили помочь Богу в его действиях и ослабить грешный мир. С помощью анабаптистов, изгнанных из Нидерландов, в 1534 г. они захватывают власть в Мюнстере (Вестфалия), грабят монастыри, церкви и библиотеки. Епископ, сеньор этого города, предпринимает осаду мятежного Мюнстера. Ян Матис был убит во время вылазки, Иоанн Лейденский провозглашает себя «царем нового Сиона», уверенный в своей миссии

завоевать весь мир. Библейская полигамия и общность имущества были установлены в осажденном городе, где воцарилась неопишуемая атмосфера террора и безумия. После жестоких сражений войска епископа ворвались в Мюнстер (24 июня 1535 г.). Анабаптистские вожди были преданы смерти после жесточайших пыток. Их трупы были помещены в железные клетки и в знак предупреждения подвешены к вершине башни. Милленаризм¹ не исчез полностью после этих драматических эпизодов. Как коллективный феномен он должен был снова появиться, но в более умеренном виде в Англии в эпоху Кромвеля и в начале Реставрации, и деятельность «проповедников», которая охватила протестантское население в Северных во время войны с Аугсбургской лигой, явно имела с ним связь. С другой стороны, отдельные мыслители Возрождения, такие как Гийом Постель (ум миролюбивый и синкретический), и в особенности Кампанелла настаивали на своей мысли о неизбежности установления царства Божьего. В своем «городе Солнца» Кампанелла прелюбопытным образом соединяет мессианские надежды и платоновскую утопию. Но в целом надежда на скорое пришествие града небесного не оправдалась после двух великих поражений анабаптизма (1525; 1535). Следовало констатировать (и это стало еще одним уроком реализма, который вполне можно сопоставить с тем, что Европе преподала Америка в XVI в.), что град небесный ждала тяжелая участь. Неприятности неистовых анабаптистов, возможно, внесли свой вклад в то, что страх перед Страшным судом, столь явный в начале Нового времени, рассеялся. Он оставил множество следов на картине этой эпохи. Симптоматично то, что Давид Жорис (1501—1556), другой знаменитый анабаптист, придерживавшийся пацифистских убеждений и в своей деятельности, и в своем учении, хотя и провозгласил себя третьим по счету Давидом в истории (вторым и самым великим стал Христос), одухотворил и переосмыслил апокалиптическое учение мельхиоритов. Отныне анабаптисты стремились только к тому, чтобы торжествовало царство духа града Божьего — духа любви в их небольших группах людей, отделившихся от официальной церкви.

¹ Милленаризм (от лат. mille — тысяча) — учение о скором наступлении тысячелетнего Царства Божьего. В настоящее время приход тысячелетнего правления Христа проповедуется мормонами, адвентистами и др. (Примеч. ред.)

* * *

Мужчины и женщины Возрождения испытывали жажду романтизма; это доказывает, что повседневная действительность была гораздо менее привлекательной, чем им казалось еще совсем недавно. Данное обстоятельство властно подталкивало к мечтательности. Во Франции «Роман о Розе» переиздавался на протяжении первых 40 лет XVI в. 14 раз, а до середины XVI в. было напечатано около 80 других средневековых романов. Роман «Четверо сыновей Эймона» в XVI в. выдержал 25 французских изданий. Из произведений светской литературы «Амадис Галльский» имел, без сомнения, самый большой успех. В XVI в. насчитывается более 60-ти испанских изданий, множество французских и итальянских, он также был издан по-английски, по-немецки и по-голландски. Франциск I, покровитель гуманизма, распорядился перевести этот роман; судьба «Неистового Роланда» Ариосто, «Утопии» Томаса Мора и даже сочинений Рабле была связана с той благосклонностью, которую выказывал гуманизм («чуть ли не против своей воли») к романтическому началу. Мы написали «чуть ли не против своей воли», поскольку Сервантес предоставляет достаточно доказательств того, что в период своего заката Возрождение порывало с паладинами эпопей не без сожаления. Дон-Кихот — безумец, герой, который уже устарел, его арсенал уже износился, он сам пережиток утратившего силу прошлого, ему нет места в мире, который превыше всего ставит деньги, а не подвиги. Но этот сумасшедший наделен величием. Этот человек наделен храбростью. Ему присуща порядочность. Сервантес, который хотел написать «инвективу против рыцарских романов», не увлекся ли тем, что вступил в игру? Дон-Кихот не всегда гротескный образ, и ему часто придается эпический облик. Суть состоит в том, что автор, когда писал свою пародию, сам не исцелился от глубокой любви, которую он, как и вся эпоха, испытывал к романтическому началу. Его последним сочинением стал рыцарский роман, своего рода антипод «Дон-Кихота», — «Деяния Персилеса и Сехисмундо» (1616).

Между множеством шутовских предприятий Дон-Кихота Сервантес не отказывается от удовольствия вставлять пасторальные

интермедии. Аркадия¹ также оказывается своего рода способом бегства Возрождения от действительности. Без сомнения, Средневековье не игнорировало жанр пасторали, о чем свидетельствует «Игра о Робене и Марион»². Этот жанр получил популярность (и надолго), начиная с «Амето» Боккаччо и в особенности когда гуманизм снова обратился к «Идиллиям» Феокрита и «Буколикам» Вергилия. Общество все больше и больше страстно наслаждалось сельской гармонической природой. Именно в Аркадию (не в суровый Пелопоннес, а в утопающую в зелени сельскую местность, очарование которой придавали исключительной красоты деревья) Санадзаро отправил своего пастуха Синчero утешаться от любовных страданий. «Аркадия», роман в прозе, в который были вставлены стихи (1502), стал самой знаменитой итальянской пасторалью и имел многочисленные подражания. Количество пасторальных романов и пьес возрастает во второй половине XVI—XVII вв.: «Диана» Монтемайора (1559), «Аминта» Тассо (1573), «Галатей» Сервантеса (1585), «Аркадия» Филиппа Сидни (1590), «Верный пастух» Гварини (1590), «Астрея» Оноре д'Юрфе (1607—1627). Это популярное чтение на сельские темы, где природа не ведаёт зимы, где вечная юность Аркадии вне времени и пространства — все это говорит о непреходящей мечте о золотом веке и желании уверовать в существование светлого, поэтического мира, где царят музыка, гармония и любовь.

Средневековье мечтало о рае. В эпоху Возрождения эта мечта становится слабее. Картина Джованни Беллини «Души чистилица» (Уффици) предлагает зрителю захватывающий образ того, чем могла бы стать земля. Если даже она и не уподоблена раю, то, по крайней мере, умиротворена. Произведение первоначально сбивает зрителя с толку. Какая роль в нем отводится персонажам, которые, как кажется, изображают Деву Марию и святых Петра, Павла, Себастьяна? Вопрос имеет мало смысла. Сущность

¹ Аркадия — горная область в Центральном Пелопоннесе, воспетая эллинистическими поэтами и Вергилием в пасторальных сценах как страна беспечных и счастливых аркадских пастухов и их правителя Пана. *Синоним счастливой мифологической страны. (Примеч. ред.)*

² «Игра о Робене и Марион» — пьеса (760 строк; около 1283 г.) Адама де ла Аля. Рыцарь похищает пастушку Марион, влюбленную в крестьянского парня Робена, но, задетый ее равнодушием, отказывается от своих притязаний навсегда. *(Примеч. ред.)*

картины состоит в той гармонии и спокойствии, которые отделены рекой с голубыми водами (можно ли ее считать Летой?) от тревожного мира: обнаженные дети, играющие вокруг карликовой яблони, спокойные и сосредоточенные молодые женщины, мраморная терраса с геометрически правильно уложенными плитами как символ порядка и ясности.

Человек Возрождения унаследовал обе традиции, христианскую и языческую, и страстно мечтал о земном рае. Как прекрасны были обнаженные Адам и Ева до грехопадения! Сколько художников изображали их с любовью и меланхолией! И как же была нежна и спокойна природа, как синело небо, зеленела листва, как были прозрачны воды во времена золотого века! Единственный раз кисть Иеронима Босха кажется умиротворенной, когда в «Страшном суде» (Вена) он напоминает (но лишь в уголке алтаря) о том благословенном времени, когда человек — друг Бога еще не вступил на путь греха. Естественная тенденция мечты, становящейся все более чувственной, должна была разделить золотой век и первый грех. Так, появляется «Сад наслаждений» (Прадо), которому Босх придал загадочную трактовку. На переднем плане обжоры обоего пола пожирают гигантские плоды — арбузы, вишни и клубнику. В левой части картины — бездельники, справа тщеславные красотки любят собственную красотой. Здесь развлекаются пустяковыми играми, там парочки предаются любви в раковинах и хрустальных шарах. Подобные наслаждения психологически реально возможны только в мире вечной юности: поэтому художник изображает источник юности, в котором купаются красивые чернокожие и белые женщины. Рядом с «Садом наслаждений» Босх разместил «Ад». На картине Лукаса Кранаха Младшего (Берлин) изображен только источник юности. К нему припадают больные и страждущие, прикасаясь к этому чудесному источнику, они становятся красивыми и радостными; начинаются празднества, пляски и смех. Ренессанс использовал уже достигнутое и потрясающую изобретательность в изображении мифологического рая, обитатели которого вечно молоды и мечтают только о любви. Полициано заверял, что «там смертного нога не проходила» (в обители Венеры на «дивной горе», которая расположена на Кипре), тем не менее попытался ввести смертных в волшебное место:

Тот вечный сад, где ручейки и птицы,
Ни снег, ни иней убелить не может;
Лихой зиме не перейти границы;
Кустов и трав там вихрь не потревожит;
Там годы не перевернут страницы, —
Одна Весна свои утехи множит;
Гуляет, тысячи цветов сплетая, —
И в ветре прядь трепещет золотая.

(Стансы на турнир. 1475—1476)¹

В плане психологическом не вызывает сомнений, что обращение к мифологии начиная с эпохи Ренессанса для Западной цивилизации было одним из способов реализации мечты о золотом веке. Появляется огромное количество сочинений, в которых изображались игры нимфы и пастуха, триумф Вакха, слава Венеры, превращения Юпитера в лебедя, быка, золотой дождь, которыми он легко достигал своей цели. Воссоздавалась вымышленная страна, где молодые и прекрасные люди, красота которых не увядала, восхищали взоры. В эпических романах «совершенный христианин» заменял мифологических персонажей, поэты придумывали близкий, достижимый рай, о котором читатель уже заранее знал, что этот рай разрушителен, как любое творение демона. Однако описание этого рая оказывалось наиболее удачной частью сочинения и имело большой успех. Две волшебницы (Альцина в «Неистовом Роланде» и Армида в «Освобожденном Иерусалиме») мгновенно достигают своей цели — околдовывают христианских рыцарей. Пик поэтической фантазии в этом повороте сюжета, Дворец Альцины — «твердыня, которой на земле подобной нет»², а облик белокурой молодой женщины таков, что «усердному не вымыслить художнику»³. Прекраснейшие сады Армиды располагаются на блаженных островах. Волшебница создала хрустальные сады, загадочные травы, деревья, которые вечно цветут и плодоносят одновременно. Среди цветения Ринальдо, вырванный из времени, бесконечно наслаждается поцелуями Армиды.

¹ Пер. С. В. Шервинского.

² Пер. Д. Дмитриевского.

³ Пер. М. Л. Гаспарова.

* * *

Однако пастушками, мифологическими героями и волшебницами грезят только богатые люди. Мечтания бедных не столь изысканны. В эпоху Возрождения бедняки часто голодали и жестоко страдали. Для них рукотворный рай был, прежде всего, местом, где не было необходимости трудиться, чтобы обеспечить достаточно еды. Именно этим объясняется долгая жизнь легенды о «стране лентяев», как ее воскрешает Боккаччо (пусть и наивно) в своем «Декамероне» (8-й день, новелла 3); область Бракия описывается следующим образом: «...там-де виноградные лозы подвизывают сосисками, там на грош дают целого гуся, да еще и гусенка в придачу, там есть гора из тертого сыра, и живут на ней люди, которые занимаются лишь тем, что готовят макароны и равиоли... и тут же неподалеку бьет источник верначчи — такого вкусного вина на всем свете, дескать, не сыщешь, и воды в нем ни капли нет»¹.

Картину Брейгеля Старшего «Страна лентяев» (Мюнхенская пинакотека) нередко комментируют ошибочно. В ней желают видеть «эпопею фламандского обжорства». В действительности это произведение имеет общий характер и содержит более глубокий смысл. Ведь ее идея состоит в том, что именно во Фландрии нашла свое воплощение мечта целой цивилизации, которая (хотя и считается блестящей) знала многократный голод, эпидемии и войны. Случайно ли, что эта картина 1567 г. была создана именно в период беспощадных репрессий герцога Альбы? Для восставших Нидерландов 1567-й был годом бедствий. Так почему бы и не быть блинам, падающим с крыши, изгородям из колбас, зажаренным пороссятам, бегающим с ножом в спине (чтобы этим ножом их и нарезать), гусям с золотистой корочкой на блюдах, вареным яйцам, бегающим на лапках. Сытые, растянувшиеся вокруг стола, на котором еще стоят многочисленные яства, солдат, крестьянин и студент на мгновение позабыли о действительности, которая была далека от этой мечты.

В XVI—XVII вв. в Италии появилась карта «страны лентяев», которая показывает, что весь Запад испытывал потребность

¹ Пер. Н. Любимова.

в удивительно конкретном бегстве от действительности. На ней можно увидеть горы тертого сыра, которые омываются морем греческого вина, деревья, которые плодоносят круглый год, свежие, замороженные и засахаренные фрукты, матлот¹ из жареных карпов и угрей в обильных потоках муската. С дождем падают жареные фазаны и зайцы. В лесах жирные совы несут плащи и другую одежду. Два стража ведут человека, на груди которого висит плакат с надписью: «Я иду в тюрьму за то, что работал». В Париже в 1631 г. игрался фарс, схожий по духу со всем этим, «О добром времени в Верхней и Нижней Кокейн». Что до Рабле, то он придумал за сто лет до этого фарса страну, где платят 5 су в день за то, чтобы человек спал, и 7,5 су за то, чтобы он храпел. В отдельных случаях страна Кокейн становилась действительностью: крестьянские пиршества, изображенные Брейгелем, или же удивительный неаполитанский праздник, который так и назывался — куканья. На городской площади возводился искусственный Везувий, из которого «извергались» колбасы, жареное мясо, макароны, они падали на слой тертого сыра, которым была обсыпана эта гора. Толпа народа расхватывала эти дармовые куски. Праздник этот был реальностью только один день, весь год он оставался мечтой.

* * *

Искусственный рай был опасен — человек рисковал поддаться чувственным наслаждениям. Это одна из излюбленных тем Босха, который был художником-морализатором, равно как и причины того, что он поместил «Ад» рядом с «Садом земных наслаждений». В уже упоминавшемся «Страшном суде» (Вена) большая часть полиптиха посвящена не изображению идилического счастья в садах Эдема, а триумфу Сатаны в зловещем мраке ночи, где тут и там сверкает молния. Правда, в верхней части в голубом пространстве ясного неба изображены Бог, ангелы и некоторые избранные, избежавшие леденящего душу ужаса. Мир, изображенный ниже, погружен в него, и совершенно очевидно, что осужденных больше, чем спасенных. Один демон,

¹ Матлот (франц. matelote) — рыбное блюдо под винным соусом. (Примеч. ред.)

с головой длинноносой птицы, уносит в своей корзине осужденного грешника. Другой несет на плече палку, на которой за руки и за ноги подвешен будущий обитатель ада, пронзенный стрелой. У сатаны с тюрбаном на голове пылающие огнем глаза и пасть хищного зверя, под распахнутой одеждой вместо живота — печная решетка, у него крысиные хвост и лапы. Он приглашает посетителей к вратам ада, украшенным отвратительными жабами. Таким образом, измышленный рай имеет и обратную сторону — жуткие кошмары. «Триумф Смерти» Брейгеля Старшего вдохновлен Босхом. Это произведение является предупреждением грешникам. Тщетным наслаждениям, богатству и могуществу в нем противопоставляется видение, галлюцинация, которая кажется более правдивой, чем земные радости. Здесь огромная смерть с косой, взгромоздившаяся на изможденную клячу, катится на живых людей. Там она отправляет мертвецов в переполненную могилу. Тут она подталкивает людей, еще стоящих на ногах, к чудовищной мышеловке, в которой скелет бьет в литавры.

Подобные образы создавались, чтобы воздействовать на воображение простых людей и заставить беззаботных христиан трепетать от страха. Однако Босх часто хотел сказать, что не следует поддаваться чарам демона, даже если тот и обладает могучим волшебством. Чудовищные козни сатаны не отличаются несокрушимостью. Именно в этом состоит значение разных произведений на сюжет искушения святого Антония, который правильнее было назвать «мучения святого Антония».

Грандиозный триптих (Лиссабон), несомненно, лучшее из произведений, посвященных Босхом этому сюжету, которому придала популярность эта вечная легенда. Святой видит перед собой тысячи образов-галлюцинаций: кувшины на лапках, старуха, укрытая, как плащом, корой засохшего дерева, тело которой вросло в корень сельдерея, старик, дающий урок обезьяне и гному, вестник, бегущий на ледяных коньках по песку, богато накрытый праздничный стол, за который святого Антония приглашают присесть молодые люди и девушки. Отшельник никак не реагирует — для него важен только Бог. Хитрости дьявольского искушителя посрамлены.

Если бегло взглянуть на панораму живописных произведений Ренессанса, на которых изображены кошмары, нельзя ничего

не сказать о «Dulle Griete» — «Безумной Грете» Брейгеля (Антверпен, музей Майер ван дер Берг). Что символизирует эта изображенная на фоне пожаров мегера, вооруженная мечом, которая направляется в ад в сопровождении толпы столь же обезумевших мужеподобных женщин? Устрашающий ли это образ мира, оставленного на милость злобы и безумия? Существует простое объяснение, сближающее одну из лучших картин Брейгеля с фаблю и фарсами Средневековья. Речь идет о сатире на властолюбивую и сварливую женщину. Грета и те, кто ее сопровождает, нападают на мужчин, которым они так долго подчинялись. Получив свободу, они уничтожают все и сами предаются дьяволу. Под влиянием Босха, имея поразительное воображение, изощренную фантазию, художник выразил в этом произведении достаточно традиционный антифеминизм. Эта последняя гипотеза, возможно, и есть самая верная. Но она не умаляет значения этого великолепного произведения, исполненного кошмара. Следует добавить, что XVI в. до самого конца был связан с видениями, которые не слишком скрывали нравственный подтекст — художники блестяще владели языком метафор, сочетая комедию и тайну, пародию и жестокость, странное и уродливое. Доказательством служат «сказочные изобретения» Лоренца Штоэра — кубического вида роботы — и bizzadrie¹ Брачелли, антропоморфические пейзажи анонимного художника из Нидерландов: ресницы — кустарник, борода — купы деревьев, нос — скопление домов. Все эти изображения, больше напоминающие сновидения, иллюстрируют трактаты по анатомии и хирургии той эпохи. Тот, кто обращается к этим буйствам фантазии, легко убеждается в том, что Возрождение — это эпоха поиска и тревог, богатая бесчисленными возможностями и противоречивыми желаниями, еще не сделавшая своего выбора и не нашедшая своего равновесия.

* * *

Леонардо да Винчи и Рабле каждый по-своему выразили мощь и разнообразие устремлений Возрождения: устремления эти были слишком многочисленны и поэтому не могли не быть

¹ Bizzadrie (ит.) — причуды, фантазии.

утопическими. Леонардо был изумительным художником и первостепенным анатомом. Однако как инженер он не внес решающего вклада в развитие техники. Что касается программы образования, которую Гаргантюа наметил для своего сына Пантагрюэля, то не следует даже упоминать, насколько она была утопичной. При этом как-то забывается, что речь идет об одном великане, который пишет другому. Рабле понимал, что один человек не может «в совершенстве знать одновременно греческий, латынь, древнееврейский, арабский, халдейский», «все установления астрономии, все прекрасные тексты» гражданского права, а также изучить естественные науки и медицину. Гуманистическое образование цепко держалось за то, чтобы следовать подобным химерам. Но сами эти химеры свидетельствуют о том, что эпоха часто находилась под влиянием честолюбия, а не разума. Могло ли стать случайностью, что именно Ренессанс создал образ Фауста?

Фауст, малоизвестный и малозаметный немецкий астролог и медик, умер не позднее 1544 г. Но уже в конце XVI в. он превратился в легендарного персонажа. В «Volksbuch»¹ 1587 г. и в особенности в пьесе Марло (около 1589) он предстает неким сверхчеловеком. С помощью Мефистофеля для него все становится возможным. К концу его земного существования его спутницей становится Елена Греческая, обворожительная черноглазая молодая женщина с золотыми волосами; на самом деле она является демоном-суккубом. Одним из величайших грехов Фауста является его договор с дьяволом, с помощью которого он хотел познать все, что знает Бог. Он «обманут славным даром понимания». Таким образом, тема Фауста повторяет тему Прометея. В «Volksbuch» Мефистофель, искушая Фауста, еще не желающего подписывать роковой договор, говорит: «Учись у меня теперь, как вызывать гром, молнию, град, снег и дождь, как нагонять тучи, как потрясать землю и крутые скалы и как рассекать их надвое, как заставить бушевать и вскипать моря и заставить их выйти из берегов... Узнай, о Фауст, как перелетать, подобно мне, из королевства в королевство со скоростью мысли...» В пьесе Марло мечте о безграничном знании и всемогуществе вновь отводится большое место. Мефистофель говорит Фаусту:

¹ «Volksbuch» — «Народная книга» (нем.).

Хороший маг — сам всемогущий Бог,
благодаря уму могучему стань, Фауст, Богом.

Дьявол успешно обучает Фауста астрономии, медицине, астрологии и математике. На колеснице, запряженной крылатыми драконами, предоставленной ему сатаной, немецкий доктор летает над континентами. Пролетая над Кавказом, Фауст видит земной рай, охраняемый херувимом с огненным мечом. Сын Елены и Фауста, Юстус Фаустус, рождается всеведущим. Таким образом, Фауст воплощает в себе не только интеллектуала, охваченного демоном плотских желаний, но и в гораздо большей мере человека, жаждущего абсолютного знания и мечтающего о господстве над миром. Возможно, он романтик задолго до появления понятия о романтизме; но, прежде всего, он представитель честолюбивого века, опьяненный свободой, славой и наукой, хотя его желания часто намного превосходят его возможности.

* * *

Многочисленные утопии, «описания (совершенно серьезные) мира, основанного на принципах, отличных от тех, на которых основывается реальный мир» (Р. Рюйер), расцвели в эпоху Возрождения. Они свидетельствовали о разрыве (слишком жестоко ощущаемом некоторыми людьми) между устремлениями эпохи и повседневной жизнью. Оптимизм в отношении будущего (но будущего очень далекого) сопровождался пессимистическим видением настоящего. «Утопия» Т. Мора (1516) лучше всего выразила эту диалектику, с ней были связаны споры между определенными представителями гуманистической мысли. Это сочинение состоит из двух равных частей. В первой черными красками описывается Англия эпохи Ренессанса; вторая противопоставляет этой мрачной картине описание счастливого острова, где нет проблем, ни политических, ни социальных, ни экономических, ни религиозных. Чем же была Англия во времена Генриха VIII? Страной, где неравенство влекло за собой беспорядки самого худшего толка. Нищенство, бродяжничество и воровство были повседневной реальностью. Праздные дворяне уничтожали уважаемые ремесла. Крупные земельные собственники

становились скотоводами, сгоняли крестьян с земли, тем самым увеличивая количество безработных. Законы полностью отражали «заговор богатых против бедных». Внешняя политика государств XVI в. была одновременно бессовестно воинственной, дорогостоящей и равнодушной. Поэтому возникала потребность в том, чтобы европейцы узнали об удивительном острове, недавно открытом путешественниками, «которые не желали более его покинуть, если только не расставались с жизнью», — Утопии.

Утопия имеет форму полумесяца, и эта естественная гавань давала надежное пристанище кораблям. На острове насчитывалось 54 города, в каждом из которых проживало по шесть тысяч семейств. Один из городов, Амаурот, был столицей. Жители Утопии объединены в семьи, в каждой не менее сорока человек, они должны по очереди возделывать поля. Те из них, кто особенно интересуется земледелием, могут жить в сельской местности круглый год. Экономическая жизнь направляется государством, и существует коллективная собственность. Здесь царит полное равенство, дворянство подавлено. Шесть часов труда для общей пользы вполне достаточно. Ни один человек не ленится. Спать ложатся около 8 часов вечера, поднимаются в 4 часа утра. Правительство, которое постоянно проводит точные статистические подсчеты, контролирует производство разных изделий и продуктов питания, приостанавливает производство, если возникает риск перепроизводства. Каждый имеет право на самосовершенствование. В Утопии нет денег для внутреннего пользования. Достаточно попросить то, в чем возникла потребность. Процветающие города, естественно, приходят на помощь менее преуспевающим. Семьи, в которых слишком много детей, передают их в те семьи, где их меньше. Драгоценными металлами пренебрегают. Золото служит лишь для изготовления цепей для заключенных и ночных горшков. Каждые 10 лет утопийцы меняют место обитания, причем жилые дома вытягивают по жребии. К каждому дому прилегает доставляющий радость сад. Пищу утопийцы принимают совместно, их созывают к определенному времени звуками трубы. Таким образом, вся сифогрантия (примерно 30 семейств) сходится во дворец. Молодые и старые рассаживаются рядом, мужчины сидят напротив женщин. Дети обслуживают старших и едят стоя. Зал, примыкающий к столовой,

предназначен для кормилиц и грудных детей. Перед едой зачитывается какое-нибудь сочинение, посвященное нравственности, а затем все предаются приятной содержательной беседе. Ужин сопровождается симфонической музыкой.

Управление носит семейный характер. От 30 семейств избирают сифогранта, а 200 сифогрантов избирают правителя. Он занимает эту должность до конца жизни, если только его не освобождают в случае проявлений деспотизма. Ни один важный вопрос не решается без согласия сената сифогрантов. Жители Утопии отважны на войне, но они мирные люди. Они вступают в войну только для того, чтобы защищаться, или оказать помощь соседям, на которых напали, или наказать за недобросовестность соседних купцов. Во всяком случае, они предпочитают вести, если это только можно, «экономическую» войну против своих противников; наконец, они стараются (для того, чтобы избежать военных конфликтов или уменьшить их продолжительность) организовать убийство вражеского короля или подкупить своих сторонников в лагере противника. Рабство в Утопии существует, но оно обычно заменяет смертный приговор. Рабами, как правило, становятся или «пленники», захваченные на войне, или «невольники» общественного права. Поскольку Утопия представляет собой одну общую семью, то особое значение придается браку. Супружеская измена является единственным преступлением, за которое виновный карается смертью¹. На острове Томаса Мора девушки не могут выходить замуж до 18 лет, а юноши жениться до 22 лет. Жители Утопии вступают в брак, осознавая значение поступка. Жених и невеста под строгим надзором почтенной матроны и добропорядочного мужчины могут видеть друг друга обнаженными. Однако если супружеская жизнь в дальнейшем окажется невыносимой из-за нравов супругов, то брак может быть расторгнут, хотя и после тщательного расследования сената. В повседневной жизни «мужья наделены над женами той же властью, что и над своими детьми»².

Жители Утопии не умерщвляют свою плоть. Они высоко ценят здоровье, стремятся к естественным удовольствиям. Они

¹ Ж. Делиюмо ошибается: «осквернителей брака наказывают тяжелейшим рабством». См.: *Мор Т. Утопия* / Пер. Ю. М. Коган. М., 1979. С. 234.

² В русском переводе «Утопии» мысль звучит иначе: «В повседневной жизни жен учат мужья, родители детей». См.: Там же. С. 235.

имеют право покончить с собой в случае неизлечимой болезни. Христианство только еще начинает распространяться на острове, поскольку считается, что его совсем недавно открыли моряки Веспуччи. В Утопии, таким образом, несколько религий, но большинство обитателей отказались от «примитивных богов, порождения необузданного воображения, и допускают единственное, вечное, безграничное божество, чьи возможности столь же безграничны, как могущество и слава». Этому высшему существу, которое утопийцы называют Митра, посвящен национальный культ. Другие культы разрешены, и утверждается всеобщая терпимость. Они сторонятся фанатизма и излишнего религиозного рвения. Атеизм, однако, запрещен, и атеистов не допускают к общественным должностям. Священники, которые избраны для отправления общественного культа, немногочисленны, их всего 13 на город. Но они отличаются благочестием, их глубоко почитают. Они проводят в храмах торжественные церемонии без кровавых жертвоприношений. Они не занимаются магией; они ненавидят предрассудки. Они руководят траурными церемониями, в ходе которых сжигают тела умерших. На похоронах не бывает ламентаций. Они молятся за усопших и направляют к Богу песни радости. После счастливой жизни смерть приятна, так как она означает уход в вечное блаженство.

И если такая замечательная жизнь на Утопии, то зачем покидать остров? Однако, чтобы уехать за границу, необходимо получить разрешение и документ для проезда, где указана продолжительность отсутствия. Если же кто-нибудь отправляется, не уведомив власти, и попался на этом, то его наказывают как дезертира. В случае если подобное совершается еще раз, человек становится рабом. Житель Утопии не может отправляться в город и добежать до соседней деревни без разрешения отца и жены. Правда, в часы отдыха разрешаются прогулки. Но если при этом забыть о времени обеда, то следует спешить, так как еды не получишь, когда заканчивается обслуживание в общественном ресторане.

* * *

Рабле тоже отдал должное увлечению утопическим началом, хотя достаточно трудно определить, где именно он опирался на сочинение Томаса Мора. Во всяком случае, он использовал имена

персонажей из романа английского гуманиста: «Гаргантюа породил своего сына Пантагрюэля от своей жены по имени Бадебек, дочери короля амауротов в Утопии». Пантагрюэль, обучаясь в Париже, «услыхал новость, что динсоды (т. е. жаждущие) вторглись в Страну амауротов», и покидает город. Согласно Рабле, остров Утопия расположен где-то неподалеку от Индии. Пантагрюэль после продолжительного путешествия (ему пришлось обогнуть мыс Доброй Надежды) наконец прибывает в Утопию и оказывается перед осажденным городом амауротов, принимает участие в сражении и победителем входит в столицу Утопии. В начале третьей книги Рабле еще упоминает о том, что Пантагрюэль, «полностью завоевав Страну динсодов», перенес туда колонию жителей Утопии обою пола, наделенных редкой плодовитостью, которые в этой стране с целебным климатом размножались, как саранча. После этого остров Утопия исчезает из сочинения Рабле. Однако Пантагрюэль и его спутник Панург без конца посещают удивительные страны — остров Макреонов, остров Украдкой, остров Звонящий, остров Од, где «дороги ходят». Можно сказать, что эти выдумки скорее гротескные, чем утопические. Конечно, утопия, представленная серьезным образом, реально существующей и в то же время противоречащей повседневному опыту, встречается прежде всего в описании распределения занятий Гаргантюа, которого обучает и воспитывает Понократ, или в безумной программе занятий, отправленной Гаргантюа Пантагрюэлю, чем в народных и хвастливых описаниях фантастических стран. Даже само Телемское аббатство является до известной степени утопическим измышлением. Несомненно, что описание архитектуры и декора старинного монастыря чисто романтическое, поскольку здание «во сто раз более великолепно, чем Бониве, Шамбур (Шамбор) или Шенонсо». Но Рабле выражает гуманистический идеал и использует утопический жанр, когда описывает образ жизни телемцев, который является как раз полной противоположностью монашескому существованию. Здесь нет стен, защищающих телемцев от искушений внешнего мира; здесь нет часов, регулирующих распписание жизни обитателей («ведь нет ничего глупее, как руководствоваться звоном колокола, а не указаниями здравого смысла и разума»¹). Никаких

¹ Пер. В. А. Пяста.

обетов целомудрия, повиновения и бедности — их заменил лозунг «Брак, богатство и свобода!». Поскольку обычно в монастыри допускаются женщины, исключительно «кривые, хромые, горбатые, уродливые, некрасивые, безумные, тупые, хворые и порченые», а мужчины — «хилые, худородные, бездельники и никчемные дома (т. е. обременяющие свою семью), то в Телемскую обитель будут принимать только молодых, «красивых, хорошо сложенных и с хорошим характером» женщин, а также молодых людей, красивых, хорошо сложенных и с хорошим характером. Поскольку женщинам запрещалось находиться в мужских монастырях, а мужчинам — в женских, то Гаргантюа решил, что в этом аббатстве могут быть и те и другие. Поскольку монахи и послушники, после того как они произнесли обеты, не могут их нарушить и возвратиться в мир, то телемцы могут покинуть монастырь, когда им это вздумается, «свободно и безусловно». В Телеме торжествует счастье и гармония, поскольку там нет никаких правил. Девиз «Делай что хочешь» не был только парадоксом Рабле: это доказательство разъяснения, которое дается вполне серьезно, когда Рабле утверждает, что «люди, свободные, благородные, образованные, вращаясь в порядочном обществе, уже от природы обладают инстинктом и побуждением, которые их толкают на поступки добродетельные и отворачивают от порока»¹.

Телемское аббатство всего лишь фрагмент утопии. Напротив, «Краткое описание государства евдемонцев, города в стране Макарии», написанное в 1553 г. Каспаром Штюблином, никому не известным преподавателем из Селеста, представляет собой законченную утопию по примеру «Утопии» Томаса Мора. Штюблин расположил свой остров Макария в Индийском океане. Там плодородные поля и виноградники, высокие величественные стены и самые прекрасные здания в мире. Евдемон — гармоничный город, имеющий в плане круг, — разумно принимает иностранцев. Евдемонцы наделены высоким гражданским чувством, которое основывается на равенстве. Граждане разделены на патрициев и плебеев. Бедняки не завидуют сильным мира сего, хотя бедняку и трудно получить государственную

¹ Пер. В. А. Пяста.

должность. Знать сурова, формирование сената (в который избираются только ее представители) и его решения несут печать прозорливой мудрости.

Народ же считается неопытным, легко меняет свое мнение, жаден до выгоды, и безопасность государства возможна только в случае, если управление доверено знати. Режим здесь патриархален и консервативен. Прежде всего, здесь опасаются мятежей и заговоров, которые сурово наказываются. Напротив, добродетельные граждане награждаются и пользуются почетом. На пиршествах, одновременно торжественных и радостных (на них обсуждаются общественные дела), усиливается гражданский дух. Евдемонцы в целом не слишком богаты, не слишком бедны, они презирают банкиров и купцов, большой почет выказывают земледелию, чем ремеслу; продают и покупают только по ценам, установленным государством, довольствуются малым, и, следовательно, у них нет необходимости работать много. У них остается время для самосовершенствования. Должностные лица опасаются испорченных нравов других народов и не любят, когда подданные покидают остров, отправляясь в путешествие. Во всяком случае, в Макарии запрещены иноземные моды. Каждый класс и каждый пол имеет свою униформу. Все общественные школы счастливого города собраны в великолепном здании, где изучают древние языки, философию, медицину, математику и богословие. Преподавателям же платят больше, чем всем остальным гражданам. Ученики обучаются по утвержденной программе, не пренебрегают спортивными состязаниями. Евдемонцы до мозга костей христиане, они отвергают всякие предрассудки и по любому поводу ссылаются на Священное Писание. Они гораздо больше склонны к набожности и благочестию, чем к догматическим мелочам. В этом отношении Штюблин выступает как продолжатель традиций эразмианского иренизма.

«Город Солнца», который был написан доминиканцем из Калабрии Кампанеллой, выходцем из бедной и невежественной семьи, позволяет подтвердить на этом типичном примере наличие синтеза средневекового миллениаризма и утопических традиций Возрождения, которые восходят к Платону. Как и Иоахим Флорский, Кампанелла первоначально представлял, что придет град небесный, и даже относил это событие к 1600 г. Калабрия

мыслилась им родиной нового государства, и сам Кампанелла принимал участие в заговоре, предназначенном для реализации этой цели. Ему было 27 лет, когда он оказался в тюрьме, находясь в заключении, доминиканец написал свой «Город Солнца». Чудесный город был образован семью концентрическими кругами и расположен на островах где-то посреди экваториальных морей. Город стоит на холме, над ним возвышается великолепный храм Солнца. Внутри собора изображен звездный небосвод. Верховным правителем является жрец, которого называют метафизик; ему помогают три правителя — Пон, Син и Мор, эти имена означают Мощь, Мудрость и Любовь, поскольку эти три добродетели являются атрибутами бытия. Мощь ведаёт военными делами, Мудрость — науками, искусствами и образованием, Любовь — воссоединением мужчин и женщин, воспитанием, медициной, земледелием и снабжением продовольствием. Солярии всем владеют сообща, включая жен и детей. Там неизвестен эгоизм, как и воровство, убийство, супружеская измена, инцест и разврат. Образование дается всем детям; и насколько это возможно, мало внимания уделяют изучению книг, образование основывается на наблюдении за природой. Власти определяют каждому человеку каждые шесть месяцев дом и комнату, которые будут его жилищем на протяжении грядущего полугодия. Каждая казарма имеет особые хлебные амбары, кухни и общие столовые. Здесь едят все вместе; мужчины сидят напротив женщин. Едят в молчании, поскольку в это время кто-нибудь читает вслух. Все общество одевается в белое. Земледельческие работы делаются совместно, в благоприятные периоды. Солярии работают только 4 часа в день, и всего вполне достаточно в этом счастливом городе, где паразитическая жизнь и богатство одинаково неизвестны. Золото служит только для украшения, техника совершенствуется, расширяются знания метеорологии. У них есть колесницы под парусами, колесные корабли с лопастями и военные механизмы.

Любовь, естественно, является должностным лицом, которое обязано контролировать все, что касается деторождения, и это связывается с астрономией. Жители города Солнца начинают заниматься любовью с 21 года, жительницы — с 19 лет. Во время общественных смотрин, по обычаю древних спартанцев,

и мужчины и женщины обнажаются, поэтому начальник может судить о том, кто из них способен к деторождению и кто именно более подходит друг другу. Статные женщины соединяются со статными мужчинами, полные с худыми, а худые с полными. Совокуплению предоставляется только три ночи. Ему можно предаваться только после того, как люди искупались, переварили пищу и помолились. В ожидании часа совокупления, который назначается астрологом и врачом, спят в отдельных комнатах. Когда же час наступил, матрона открывает двери, разделяющие любовников. В комнатах для любви помещены прекрасные статуи знаменитых мужей, для того чтобы женщины, созерцая их, зачинали прекрасное потомство. Дети отнимаются от груди в два года и воспитываются все вместе.

Кампанелла всегда заявлял о своей католической ортодоксии, поэтому позднее он отрицал общественную роль женщин. Трудно сказать что-то определенное о религии соляриев: была ли она предхристианской или же очищенной от скверны христианством. Можем сказать, что речь идет, как и у Томаса Мора, о естественной религии, предельно очищающей, с верой в Троицу, поощряется публичная исповедь, пост для священников, пение псалмов 4 раза в день в храмах. Время от времени перед алтарем Солнца солярий возносит к Вечному божеству молитву о городе: «...так как это принято у нас, в торжественной искупительной молитве», — пишет Кампанелла. Таким образом, нет противоречия между этой религией и религией Христа. Но, как и религия в «Утопии» Т. Мора, она не обращена к проблеме спасения и не делает акцента на драме распятия. «Христос, — пишет Кампанелла, — находился на кресте не более 6 часов...», и зачем же изображать его страдания, когда они искупаются теми радостями, которые следовали за его казнь? Утопические города счастливы по определению.

«Новая Атлантида», которая была опубликована Френсисом Бэконом (1561—1626) в том же году, что и «Новый органон», не была завершена. В ней изображен скорее народ, ставший счастливым благодаря власти и деятельности ученых, чем некое совершенное общество. Бэкон связывает свой остров Бенсалеом, который он поместил в Тихом океане, с Атлантидой Платона. Однако Атлантида, вопреки тому что считали греческие философы,

не потонула. Она просто была Америкой, но, после того как ее опустошил грандиозный потоп, цивилизация ее пришла в упадок. Напротив, остров Бенсалем избежал воздействия катаклизма. На протяжении 19 столетий он был полностью изолирован, в результате сохранив оригинальность и высокий уровень своей цивилизации. Жители острова, однако, отправляли раз в 12 лет тайную экспедицию в другие страны мира, для того чтобы узнать, что там происходит. Бенсалем совершенно не торгует с внешним миром, там не нашлось применения деньгам. Однако на самом острове существует торговля в виде обмена и частные предприятия. На этом острове государство монархическое, а сама жизнь организована по примеру патриархальной семьи. На Бенсалеме жители любят ткани ярких цветов, носят, как турки, тюрбаны. Их нравы чисты, и проституция там неизвестна. Главная отличительная черта Бенсалема (именно здесь автор переходит от романтической фантастики к утопии) — это «Дом Соломона», или институт науки, который является «зеницей ока народа». Речь идет здесь, однако, не столько о стремлении ученых «вплотить все, что только возможно», сколько о том, чтобы все организовать в систему, в том числе и технические изобретения. Ученые образуют особую группу и являются подлинными руководителями Бенсалема. В сфере экономической деятельности предпочтение отдается науке, которая считалась одним из видов искусства. Ученые Бенсалема имеют в своем распоряжении высокотемпературные печи, подземные лаборатории, астрономические приборы (телескоп) и микроскоп, башни для исследования неба и облаков, они занимаются вивисекцией. Ученые Бенсалема превратились в чудотворцев. Они создают новые виды растений и животных, ускоряют рост деревьев, производят изделия, неизвестные в Европе, производят пищевые консервы. Они умеют плавать под водой и летать. В своих лабораториях они способны материализовать призраков. Но они не используют свое поразительное могущество для обмана людей. «Дом Соломона» включает группу ученых, между которыми тщательно распределены различные задачи. «Торговцы светом», *mercatores lucis*, предпринимают (тайно) наблюдения за землями, находящимися вне острова, *depraedatores* советуются с книгами, *venatores* изучают ремесленные техники. Существуют еще и экспериментаторы, классификаторы опыта,

ученые, назначенные для формирования выводов. На общих собраниях они обобщают документацию, делают выводы и одобряют окончательные эксперименты. Все члены института клянутся хранить секреты и открытия, обнаружение которых может оказаться опасным. Новой Атлантиде присущ особый дух научной фантастики, который нас поражает. Но не следует слишком модернизировать произведение Бэкона: в нем изображена не столько цивилизация, преображенная развитием техники, сколько общество, в котором наука играет главную роль: в этом плане «Новая Атлантида» представляет собой веху между античной мыслью и мыслью Нового времени.

Поскольку ренессансные утопии сближают не только со Средневековьем, но и с античной мыслью, в частности с платоновской традицией, они, несомненно, представляют собой неприятие современной им действительности. В определенном отношении утописты XVI — начала XVII в. отстают от своей эпохи и не понимают ее. В то время как утверждается индивидуализм, который станет подпитывать новую цивилизацию и способствовать ее расцвету, они проповедуют жесткий коллективизм. В момент, когда формируется национальное чувство и образуются территориальные государства, они конструируют государства вне времени и пространства, без традиций и прошлого — государства, которые представляют собой город или несколько городов. Но разве история этого времени не доказала, что одни только города не способны вершить историю? Европейские литературы достигают своего взлета, но Томас Мор пытается сконструировать искусственный язык. Капитализм развивается, но утописты отказываются от частной собственности и денег. Великие географические открытия способствовали расширению обмена между континентами и установили более тесные связи между народами, но Томас Мор, Штюблин, Кампанелла и Бэкон сохраняют изоляцию государств своей мечты. Наконец, Возрождение во многих отношениях представляло собой открытие природы; утопии, напротив, отличаются такой чертой, как непобедимый вызов в отношении всего, что является естественным. Человек постоянно изменяет пейзаж, а Бэкон, который создал апологию эрзац-продуктов, обеспечивает обитателей Бенсалема хлебом без единого зернышка.

Утопиям Возрождения и утопиям Античности были присущи общие черты, которые можно обнаружить и в еще более поздние времена в утопиях XIX в. Они создают модели изолированных миров, автаркических государств. Они отдают предпочтение плановому существованию и вождизму. Они рассматривают учреждения как причину, а не как следствие. Они знают только общие интересы и игнорируют личность как таковую и суживают гамму человеческих чувств. Они воображают одинаковые города, где везде порядок и симметрия, где вся общественная жизнь подчиняется жесткому временному расписанию. Они придают огромное значение образованию, но от Платона до Кампанеллы оно всегда представлено в строго консервативном духе. Речь идет о том, чтобы сформировать граждан, которые станут поддерживать идеальный город и ничего не станут в нем менять. Короче говоря, атмосфера этих «счастливых городов» кажется душливой; жизнь в них представляется тусклой и серой. Коллективное единодушие, которое порождается слишком хорошо изученными установлениями, и опасная логика законодательной палаты несут в себе нечто устрашающее. Телемское аббатство, где царствуют благодать и улыбка, не может в целом считаться утопическим городом. Однако и оно в определенном отношении имеет черты сходства с ним. Оно ведь изображено как «монастырь навыворот, но все же как монастырь, т. е. сообщество, и весьма ограниченное» (Р. Ройер), в котором также царит «одинаковость». Для обитателей Телемского аббатства, пишет Рабле, «благодаря этой свободе установилось похвальное соревнование делать всем то, что хотелось кому-нибудь одному. Если кто-нибудь — мужчина или дама — говорил: «Выпьем!» — все выпивали; если говорил — «Сыграем!» — все играли; скажет кто-нибудь — «Пойдем порезвимся в поле!» — все соглашались идти»¹. Аббатство, созданное Гаргантюа, обладало и другой типичной для утопии чертой, которую мы уже отметили: оно во всех отношениях оказывается отрицанием современной действительности. Наконец, Рабле, как и утописты, не упустил случая описать определенную роскошь деталей архитектуры нового аббатства. Здание имело шестиугольную форму, на каждом углу находилась огромная

¹ Пер. В. А. Пяста.

круглая башня, река огибала подножие замка с северной стороны. Расстояние между двумя башнями равнялось 312 шагам. Здание имело пять жилых этажей, кроме того, имелись подземные погреба и т. д.

Создатели утопий очень легко превращались в теоретиков урбанизма, а теоретики урбанизма столь же непринужденно переходили к утопии и стремились превратиться в законодателей. Те и другие были глубоко убеждены в том, что ограничения повседневной жизни оказывают огромное воздействие на дух обитателей, а потому «можно изменить людей, организовав пространство, в котором они передвигаются». А потому речь идет об искусственных конструкциях, над которыми не тяготеет груз *прошлого*, идеальные города всегда вытянуты по прямой линии и размещены посреди правильных геометрических форм. Колония, план которой Платон нарисовал в «Законах», состоит из кварталов, разделенных радиусами, идущими из центра. То же самое можно видеть и в «Сфорцинде». Но геометрия архитекторов в утопиях соответствует более высокой миссии. Она должна придавать идеальному городу образ космоса и отражать принципы высшей гармонии. На площади перед собором «Сфорцинды» Филарете предлагал выбить карту Земли, окруженную двенадцатью месяцами. На куполе, форма которого сама является символом божественного совершенства, символически должен быть изображен Бог в виде солнца с лучами. В середине XVI в. Дони в его «Mondi celesti»¹ — еще одной утопии Возрождения (мы ведь не можем здесь представить все) — отражает город, план которого представляет солнце на земной поверхности; в нем имеется центральный храм, 100 улиц и стена, окружающая город. Город Солнца Кампанеллы также тяготеет к этому, он располагается вокруг храма, увенчанного грандиозным куполом, на котором изображен небесный свод. Для того чтобы в него войти, есть четыре двери, расположенные по четырем сторонам света и разделенные семью концентрическими кругами в соответствии с семью планетами.

Речь идет о нереальных городах в придуманных странах. Авторы утопии часто осознают это. Названия и имена, которые

¹ «Небесные миры» (ит.).

использует Томас Мор, в этом отношении очень показательны. Остров, который он намеревается описать, был открыт Гитлодем, это имя можно перевести как «разносчик вздора»¹; само название Утопия должно обозначать «Нигдея»²; название столицы (Амаурот) означает «призрачный город» или, по крайней мере, «неизвестный город»³; столица эта находится на реке Анидр — «река без воды»⁴; правит там адем, т. е. «государь без народа»⁵; населен остров «алаолетами», т. е. «гражданами без государства»⁶, архитекторы утопии и не стремились к функциональности. В колонии Платона, описанной в «Законах», имелись дома внутри крепких стен, образующих укрепление, — расположение до крайности непрактичное, поскольку из-за него оказывалось невозможным обходить стены и крайне неудобно снабжать защитников стен продовольствием и припасами. Тем не менее эту абсурдную деталь можно увидеть на рисунке начала XVI в. (так называемый Аноним Детайер), она еще раз была использована в начале XVII в. в «Городе Солнца». Точно также радиальный план был обязателен для многих идеальных городов, но, как бы они ни были привлекательны на взгляд (и план «Сфорцинды», бесспорно, очень красив), этот план все-таки содержит в себе нечто парадоксальное и неправдоподобное. В «Сфорцинде», для того чтобы перейти с одной улицы на другую, необходимо проделать большой путь, поскольку существует только один концентрический проспект в центре агломерации. В городе, чертеж которого изображен Анонимом Детайером, даже этот единственный проспект упразднен: для того чтобы попасть с одной улицы на другую,

¹ Имя составлено из *греч.* ὄβλος (взор) и δάϊος — опытный, т. е. нечто «опытный во вздоре».

² Название острова образовано от *греч.* οὐ — отрицание «нет» и «не» и τόπος — место, страна, буквально «страна, которой нет». В переводе использовано понятие, встречающееся в отечественной литературе.

³ От *греч.* ἀμαυρός — темный или туманный.

⁴ От *греч.* ἀνυδρὸς — безводный.

⁵ У Мора это титул народа, а не имя. Слово «адем» образовано от *греч.* отрицания ἀ и δῆμος — народ, т. е. слово «государство» отсутствует.

⁶ Согласно Мору, помимо утопийцев упомянуты еще народы (не ясно, все ли они живут на острове Утопия), в их числе упомянуты нефелогеты и алаополиты (от *греч.* отрицания ἀ, λάος — народ и πολιτής — гражданин) — «люди из безлюдного государства». Поскольку утопийцы сражались с алаополитами, то это явно разные народы.

необходимо возвратиться на центральную площадь и совершить вынужденную прогулку до первой стены. Улицы, однако, удивительным образом расширяются, по мере того как удаляются от центра, поскольку между двумя улицами предусмотрен только ряд домов. Эти разнообразные абсурдные явления обнаруживаются и в солнечном городе Дони. Что касается Христианополиса Валентина Андреа, казарменный вид которого не может не беспокоить, то он представляет собой лабиринт, форму скорее изобретательную, чем полезную. Возможно, здесь описан самый античеловечный из всех идеальных городов: передвигаться в нем можно только под землей, поскольку улицы перекрыты сводами и жилыми этажами. Но еще раз упомянем, что речь не идет о городах, где живут люди. Мы скорее присутствуем при игре, но игре всерьез, и именно таким является характер утопических конструкций. Начиная с момента, когда пытаются вообразить, «что все могло быть иначе», тогда все должно становиться возможным. Случай Филарете¹ в этом отношении явно показательный. Он убедил себя в том, что верит в то, будто герцог Миланский потребует от него построить город, и бросился (на бумаге) создавать совершенно фантастический план: больница величественная, похожая на Версальский дворец, портовая крепость, имеющая 15 этажей в высоту, украшенная более чем сотней колонн, «башня пороков и добродетелей» взмывает ввысь, и, следовательно, неясно, для каких функциональных целей она предназначена, поскольку вся состояла из череды круглых вертикальных коридоров. Но признанные создатели не строили городов-чудес, таким образом, это были архитектурные сооружения из мечтаний. Леонардо да Винчи в своих записных книжках, Якопо Беллини в своих рисунках «Дворца Ирода», Альтдорфер под предлогом обращения к библейскому сюжету «Купание Сусанны» и множество других художников в эпоху Возрождения испытывали потребность уйти на мгновение в мир, где демиурги-творцы не сталкивались ни с сопротивлением материалов, ни со случайностями повседневной жизни, ни с финансовыми проблемами.

¹ Филарете (Антонио ди Пьетро Аверлино) (1400—1469), архитектор. Автор «Трактата об архитектуре» (1460—1464), где дает образ идеального города Сфорцинде. Во флорентийском экземпляре было 217 иллюстраций.

Конечно же, не все теоретические построения архитекторов обязательно оказывались утопическими. Если они часто такими кажутся, то это потому, что привычки, городское прошлое, незначительные финансовые средства препятствовали их полному включению в действительность, таким образом, возможное снова поневоле становилось мечтой. Со времен Альберти градостроители думали о городе уже иначе; в их представлении городе имели прямые улицы, дома одинаковой высоты, вытянутые по прямой, радиально-концентрические планы, общественные памятники, на которых невольно останавливается взор, перед тем как удалиться к перспективе улиц. Архитекторам редко предоставлялась возможность полностью воплотить подобные проекты в действительность. Но они были привязаны к театру, и в эту эпоху во время городских празднеств именитые архитекторы избирались для того, чтобы устраивать сельские празднества и украшать города для торжественных княжеских въездов. Здания на античный манер, виды, уходящие в перспективу, правильные улицы — это обычные декорации для комедий и трагедий Возрождения в XVI в. Тогда-то во время ренессансных празднеств придуманный город врывается в действительность до такой степени, что на какой-то момент скрывает ее. Когда в Урбино в 1513 г. представляли «La Calandria»¹, то зрители, как заверяет нас Кастильоне, оказались перед «изображенным» городом. Через два года для торжественного въезда Льва X во Флоренцию возвели множество сооружений: фальшивые фасады, триумфальные арки, пирамиды и т. д. Путь был намечен. На всем протяжении XVI в. торжественные въезды государей в Западной Европе давали повод для того, чтобы преобразовать города, создать зрительную иллюзию, достичь монументальности, придать античный облик старым европейским городам.

И не предвосхищала ли мечта будущее? Театральный декор воздействовал на убранство города, он изменил геометрию градостроительства. В утопиях также содержались указания, из которых в последующие века можно было извлечь выгоду. Решительно повернувшись спиной к современности, утопии приобрели

¹ «Каландро» (ит.) — комедия, написанная кардиналом Биббиейной (Бернардо Довицци, 1470—1520), с прологом Бальдасаре Кастильоне.

два лика, один из них глядел в прошлое, другой — в будущее, в тот момент еще столь далекое. Несмотря на свой химерический облик, они оказывались словно «окутанными туманом, под которым приближались новые идеи, которые можно было воплотить» (Р. Рюйер). Они привлекали внимание к социологии, к плановой экономике, городам-садам, значению городского обрамления, евгенике. Они утверждали, что природа когда-нибудь будет полностью организована и преобразована человеком. Они настаивали на сокращении рабочего дня, на необходимости образования для всех, на том, что культура должна занимать важнейшее место. В эпоху религиозных войн авторы утопий занимали позицию веротерпимости, утверждали идею естественной религии, высказывались в пользу мира; эти идеи находились в полнейшем противоречии с повседневной реальностью того времени, но они представляли собой один из благороднейших заветов, оставленных гуманизмом грядущим поколениям. В этом плане утописты присоединялись к течению мысли, которое уже считалось химерическим и представителей которого преследовали, но к которому наш экуменический мир проявляет огромный интерес.

В середине XV в. Николай Кузанский написал поразительное сочинение «De rase fidei»¹. Рейнский ученый, ставший епископом и кардиналом, трудился над объединением греческой и римской церкви и старался примирить гуситов со Святым престолом. На следующий день после падения Константинополя, вместо проповеди нового Крестового похода, он предложил дружеское обсуждение между представителями крупных религиозных конфессий. Но идея была настолько смелой, что он облек ее в форму «видения». «Верующий человек» — т. е. сам автор — видит, как приходят к Богу представители разных народов, умоляющие установить единство религии на земле, даже если и должно существовать разнообразие обрядов. Тогда Отец Небесный призвал своих ангелов, которые собрали перед ним всех мудрецов Вселенной. Глагол Бога, затем речи святого Петра и святого Павла им объясняли великие христианские тайны. Обсуждение закончилось чем-то вроде соглашения: мудрецы возвратились к себе, чтобы наставлять свой народ на единство подлинного

¹ Тракта́т по-русски называется «О согласии веры» (лат.).

культы. Иерусалим должен был стать религиозной столицей человечества. Таким образом, Николай Кузанский выдвинул типично гуманистический тезис о «фундаментальных положениях», на основе которых все люди доброй воли могли бы вступить в соглашение; этому учению впоследствии было суждено снова появиться во время конфликтов между католиками и протестантами. Почти через сто лет после трактата Николая Кузанского, в 1544 г., Гийом Постель издал в Базеле важное сочинение «De orbis terrae concordia»¹, в котором, собственно, вновь повторялся великий проект Николая Кузанского. Современники считали Постеля (1510—1581) человеком с неуравновешенным разумом. Он дважды побывал в тюрьмах инквизиции. Его произведения были включены Римом в «Индекс запрещенных книг». Игнатий Лойола, который принял его в ряды иезуитов, впоследствии изгнал его. Постель, несомненно, был визионером, особенно с 1547 года, когда повстречался с экзальтированной монахиней матерью Жанной, в которой он отныне усматривал нечто вроде мессии в женском обличье. Но этот гуманист обладал незаурядной эрудицией и в течение некоторого времени был профессором греческого, древнееврейского и арабского языков в Коллеже королевских лекторов². Он хорошо знал Оттоманскую империю; он превозносил веротерпимость турок, настаивал на том, что мусульманская и иудейская религии имеют много общего с христианской верой. Как могли его понять в эту эпоху? «Пусть отныне более не будет, — писал он, — ни католиков, ни лютеран; давайте примем имя Иисуса, от которого мы ждем спасения. Давайте же станем учениками Иисуса. Тогда мы пожелаем считать друзьями Евреев и потомков Измаила. Мы дадим им также это имя, и тогда человечество станет единым».

От этого экуменического идеала в XVI в. легко перешли к апологии религии чисто внутренней, исключив по определению любую нетерпимость. Мы переходим, таким образом, от группы миролюбиво настроенных католиков к группе независимых протестантов, которые часто были приговорены своей эпохой к вечным скитаниям от города к городу и пытались тем самым

¹ «О согласии стран мира» (лат.).

² Коллеж королевских лекторов — будущий Французский коллеж.

избежать непрекращающихся репрессий. Себастьян Франк (1499—1542) настаивал на «беспристрастности» Бога, который «от всего сердца любит еще и сегодня всех, независимо от личностей, имен и народов, язычников, как и евреев... Среди всех народов ему наиболее приятны те, кто его боится и соблюдают его справедливость». Вот почему «церковь не является ни особым народом, ни сектой, на которую можно показать пальцем, сектой, которая связана с эпохой, личностью или какой-то местностью; церковь — явление духовное, невидимое, она состоит из всех тех, кто родился от Бога... Это общность, в которую мы верим и которую мы видим только духовными очами своего сердца внутреннего человека».

Спустя столетие «вдохновенный силезский башмачник», великий философ Бёме (1575—1624) увидел в различиях между религиями шанс для человечества. Ему показалось, что различия в культах можно сравнить с разнообразием цветов, существующих в природе: «Цветы всяких видов веруют и соседствуют на земле. Среди них не бывает диспутов по вопросам цвета, аромата и вкуса. Они позволяют земле и солнцу, дождю и ветру, жаре и холоду воздействовать на себя каждому на свой лад. И каждый верит согласно своей сущности и качествам, которые ему присущи. Так же и с Божьими детьми». При подобном подходе нетерпимость оказывается роковой и нелепой. Она выступает против самых элементарных естественных законов. «Кому придет в голову, — писал далее Бёме, — осуждать лесных птиц, которые прославляют Господа всевозможными способами. Разве Дух Божий станет их карать за то, что их голоса не сливаются друг с другом в совершенной гармонии. Пусть лучше они поют изо всех своих сил и радуются его присутствию». А если так, то по какому же праву правительства вмешиваются, чтобы навязать своим подданным какую-либо религию. Только один Бог наделен властью судить души. Духовный меч — это не плотский меч. С 1533 г. «мистический спиритуалист» Каспар Швенкфельд (1489—1561) изложил учение о разделении церкви и государства, которое в дальнейшем приняли анабаптисты и все независимые протестанты: «До тех пор пока вера, учение и церемонии предоставлены Богу, должностным лицам нечего там рассматривать». В 1549 г. Швенкфельд снова писал: «Государство может официально

существовать как христианское, но из этого не следует, что оно обладает властью над церковью или что оно должно быть обязательно христианским». «Христианское государство» — это выражение появилось совсем недавно, о нем еще не могло говориться в посланиях апостола Павла. Религиозная терпимость, отделение церкви от государства — идеи, казавшиеся столь безумными современникам Кальвина и Игнатия Лойолы, стали «заключенным в бутылку посланием, брошенным в море», которое бури истории понемногу прибывали к побережью людей.